
СЕМАНТИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

М.В. Беляков

Кафедра русского языка для иностранных учащихся
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Лингвистическое исследование разных видов институционального дискурса определяется акцентом на изучение онтогенеза общения и поиском универсальных основ речевого взаимодействия. Дипломатический дискурс обладает индивидуальными семантико-семиотическими характеристиками, выделяющими его среди других видов дискурса.

Ключевые слова: дипломатия, дискурс, дискурсивный анализ, политический дискурс, интертекст.

Дипломатия всегда была и остается достаточно закрытой, «тихой» сферой межкультурной коммуникации, целью которой был поиск компромиссных решений. Этой особенностью объясняется незначительное количество работ, посвященных, в частности, лингвистическим аспектам дипломатических текстов и дипломатической коммуникации в целом.

Известно, что определений дискурса и одной из его разновидностей — институционального дискурса — существует немало. Мы, вслед за рядом таких исследователей, как К.О. Апель (1975), А. Реддер (1983), Г. Блох (1987), Е. Рольф (1994), Дж. Хетитейдж (1997), понимаем институциональный дискурс как систему взаимодействия между различными институтами — общественными организациями, регулирующими коммуникативный процесс в профессиональной деятельности. Институциональная коммуникация, к которой можно отчасти отнести и дипломатическую, представляет собой протяженный во времени и пространстве диалог, оформленный такими языковыми средствами, которые придают речевому поведению конвенциональный характер, соответствующий формальной данности и легитимности институтов. Главенствующая роль отводится языку, выступающему в роли «института институтов» [1].

Тем не менее, дипломатический дискурс представляет собой особое явление. В некоторых случаях дипломатия трактуется как внешняя политика государства. С другой стороны, очевидно, что дипломатические тексты, составляющие основу дипломатического дискурса, могут в значительной мере отличаться от политических текстов, лежащих в основе дискурса политического, по своим лингвистическим и семиотическим характеристикам.

Лингвистические исследования внешней политики вызывают особый интерес, поскольку о международной коммуникации, в частности, политической, можно говорить как об особом объекте. Внешнеполитическая коммуникация в целом протекает в ситуации условно независимой коммуникативной цепочки, при этом ком-

муникация осуществляется между принципиально разными структурами: проходит несовпадение национальных картин мира, что позволяет даже говорить о национальных логиках, кроме того, международная коммуникация подвергается более жесткому контролю, что также накладывает на нее свой отпечаток.

Одним из вариантов лингвистического исследования международной политической коммуникации может быть дискурсивный анализ, но предварительно стоит определиться с такими понятиями, как политический и внешнеполитический (дипломатический) дискурс.

Феномен политического дискурса пока не поддается однозначному определению, так как сама категория политики в настоящее время не имеет четкой дефиниции. Однако стоит отметить, что специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере. В качестве основных свойств этого дискурса выделяют тематическую связанность, ситуативную обусловленность, динамичность, социальную ориентацию, неоднородную структурированность, недискретность.

Политический дискурс, в свою очередь, характеризуется присутствием имплицативного (скрытого) смысла, свойственного также и дипломатии в целом, а игру слов, участвующую в этом дискурсе (которую стараются избегать в дискурсе дипломатическом), в таком ключе можно рассматривать как основное языковое средство передачи имплицативного смысла. В содержание политического дискурса должны быть включены знания, способные влиять на порождение и восприятие речи; другие тексты, политические взгляды автора и его задачи, а также политическая ситуация.

Дипломатический дискурс, как и большинство видов дискурса, предполагает как минимум двустороннее общение. Известно, что подчеркивание двусторонности речевого общения и его инструментального характера свойственно сторонникам школы символического интеракционизма в социолингвистике. В частности, один из видных сторонников данной школы А. Бриттен писал, что язык является средством регуляции человеческого взаимодействия. «Люди используют язык как средство, дабы произвести впечатление, обмануть, принудить, обнаружить истину, выработать новый смысл деятельности. Он представляет собой как средство взаимодействия, так и механизм конфликта» [2. С. 102].

Как говорил Р. Барт, «в пределах языковой коммуникации *я* и *ты* предполагают друг друга с абсолютной необходимостью» [3. С. 220]. Для дипломатического дискурса этот аспект принципиально важен. Не только инициатор, но и адресат коммуникативного акта осознаются как действенные факторы коммуникативного процесса, учитывать которые необходимо в их органической связи. Как начальная и конечная точки коммуникативного акта, инициатор и адресат неизбежно «входят в сущностную характеристику речевого произведения, они составляют органическое единство, не могут быть расчленимы... Совокупность условий, определяющих формирование того или иного речевого произведения субъектом и соответствующее восприятие его адресатом, включающее условие адекватности

речевого воздействия на коммуниканта, составляют неразрывную целостность и сущность самой языковой коммуникации» [4. С. 139].

М.М. Бахтин также подтверждал, что «слово ориентировано на собеседника, ориентировано на то, кто этот собеседник: человек той же социальной группы или нет, выше или нижестоящий (иерархический ранг собеседника), связанный или не связанный с говорящим какими-либо более тесными социальными узами (отец, брат, муж и т.п.). Абстрактного собеседника не может быть. Значение ориентации слова на собеседника — чрезвычайно велико. В сущности, слово является двусторонним актом. Оно в равной степени определяется как тем, что оно, так и тем, для кого оно. Оно является именно продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим. Всякое слово выражает «одного» в отношении к «другому». В слове я оформляю себя с точки зрения другого, в конечном счете, себя с точки зрения своего коллектива. Слово — мост, перекинутый между мной и другим. Если одним концом он опирается на меня, то другим концом — на собеседника. Слово — общая территория между говорящим и собеседником» [5. С. 420—421]. Для дипломатического дискурса это рассуждение приобретает особую значимость, поскольку в этом виде дискурса случайных слов быть не должно и слова должны интерпретироваться адресатом так, как это нужно адресанту.

В монографии «Современные международные отношения» А.В. Торкунов говорит о том, что большинство определений дипломатии исходит из непосредственной связи дипломатии с переговорным процессом. В качестве общепринятых определений приводится, в частности, мнение Г. Никольсона, который пишет, что дипломатия — это «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата». Также приводится достаточно широкое определение английского исследователя Дж. Берриджа, который пишет, что «дипломатия представляет собой ведение международных дел скорее посредством переговоров, а также посредством других мирных средств (таких, как сбор информации, проявление доброй воли), прямо или косвенно предполагающих проведение переговоров, чем путем применения силы, использования пропаганды или обращения к законодательству [6].

Таким образом, можно говорить о том, что дипломатия, по своей сути, является инструментом, посредством которого осуществляется внешняя политика государства. Во многом успех внешней политики зависит от умения вести переговоры с целью поиска компромиссов и взаимоприемлемых решений, предотвращения конфронтации либо разрешения конфликтной ситуации.

Любой дипломатический переговорный акт, как упоминалось выше, представляет собой акт коммуникации, поскольку предполагает наличие как минимум двух непосредственно или опосредованно участвующих в нем заинтересованных сторон.

Неотъемлемым компонентом любых переговорных процессов является вербальный компонент, доминантно определяющий успех или неудачу в этом виде двусторонней коммуникации. Исходя из этого можно говорить о существовании

такого понятия, как «дипломатический дискурс» в лингвистическом понимании, и это понятие нетождественно дискурсу политическому.

Следует отметить, что до недавнего времени понятие «дипломатический дискурс» использовалось в большей степени для обозначения невербальной стороны коммуникации: дипломатического протокола и этикета, других экстралингвистических явлений иной семиотической значимости. Как правило, исследовательский интерес к дипломатии в большей степени фокусировался на анализе содержательной стороны коммуникативного процесса, а не на языковых средствах, его обеспечивающих.

Исторически сложилось, что языком дипломатии был признан французский язык, но на сегодняшний день он несколько потерял свою «уникальность», поскольку в качестве языков общения на дипломатическом уровне стали использоваться и иные языки, в том числе русский. Следует упомянуть, что официальными языками ООН сегодня признаны английский, арабский, испанский, китайский, французский и русский.

Дискурсивная компонента, несомненно, является лишь одной из составляющих понятия дипломатии, но, безусловно, неотъемлемой. Дипломатический дискурс обладает рядом характерных свойств, таких как:

- наличие различий между устным и письменным языком, используемым дипломатами;
- использование специальной дипломатической лексики, терминологии, часто французского и латинского происхождения, что следует из исторической роли французского и латинского языков в дипломатии;
- использование высокого стиля речи;
- использование сложных синтаксических конструкций, особенно в языке документов;
- определенные дипломатические штампы;
- «язык намеков и недомолвок».

Нередко в дипломатической риторике используются исторические аналогии, являющиеся своего рода прецедентными текстами и интертекстом.

Известно, что теория интертекста вышла из трех источников: полифонического литературоведения М.М. Бахтина, работ Ю.Н. Тынянова о пародии и теории анаграмм Ф. де Соссюра, основателя структурной лингвистики. Теорию интертекста развивал Ролан Барт: «Произведение есть вещественный элемент, занимающий определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке), а текст — поле методологических операций... Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке... Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски «источников» и «влиятельных» соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат — из цитат без кавычек» [3]. Выступления политических лидеров, в свою очередь, часто имеют отсылки на предыдущие тексты этого же оратора или содержат ответы на заме-

чания оппонентов, цитаты других известных политических деятелей, прецедентные имена и т.п., что естественным образом разрушает линейность текста, вынуждая реципиента устанавливать ассоциативные связи с теми текстами или образами, к которым апеллирует автор выступления.

Язык дипломатических документов допускает использование выражений, значение которых может толковаться по-разному. Диапазон самих дипломатических документов весьма широк: договоры, конвенции, протоколы, декларации, ноты, пакты, хартии, разного рода акты, временные соглашения, дипломатические документы относительно вступления, принятия и одобрения и др. Все они, безусловно, обладают характерными дискурсивными особенностями.

Лингвистические особенности дипломатического дискурса обусловлены рядом факторов, среди которых следует выделить следующие:

- 1) мотивация дискурсантов (желание/нежелание вести диалог);
- 2) исходное различие или сходство взглядов дискурсантов (стороны являются оппонентами или единомышленниками);
- 3) заинтересованность в компромиссе (у каждого участника может быть собственная заинтересованность в сроках и результатах диалога);
- 4) наличие аргументов и умение их использовать (интертекстуальность, понимание на уровне «свой»-«чужой»);
- 5) статусность дискурсантов. О статусности дискурсантов следует сказать особо, поскольку она может пониматься двояко. С одной стороны, важным фактором является мировой статус участников, мировой авторитет: одинаковый или различный. От этого во многом зависит «тон» переговоров. Текст таких переговоров может содержать либо сдержанность, подчеркнутое уважение, либо иронию, скепсис, «менторские нотки» и т.п.

С другой стороны, дипломатические мероприятия, как правило, проводятся сторонами на едином уровне (например, уровень руководителей стран, уровень министров иностранных дел и т.п.), что предполагает использование адекватных уровню языковых средств (лексических, синтаксических, стилистических и т.д.);

б) адекватность оформления и понимания высказывания. Здесь в качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в августе 2008 г., когда в Кремле опровергли сообщение Елисейского дворца о том, что Москва и Париж договорились о замене российских сил в зоне безопасности за пределами Южной Осетии миссией ОБСЕ. В пояснении говорилось, что в ходе телефонной беседы со своим французским коллегой Николя Саркози президент Дмитрий Медведев лишь «подтвердил готовность к взаимодействию с ОБСЕ в этой зоне в соответствии с пятым пунктом принципов урегулирования конфликтов, выработанных совместно президентами России и Франции».

Особым элементом дипломатического дискурса, как упоминалось выше, стоит считать переговоры. Известно, что переговоры — главный метод современной дипломатии, используемый для установления и развития отношений между государствами, обеспечения культурных и научных связей в двустороннем, региональном и глобальном масштабах. Они — основное средство мирного разрешения

споров и конфликтов, возникающих между государствами, один из наиболее распространенных и закрепленных в международном праве методов развития и углубления отношений между государствами. Особенность переговоров состоит в том, что в их должны адекватно сочетаться устный и письменный дискурсы.

Так, существуют особые дипломатические сигналы, создаваемые при помощи риторики, язык намеков и «непроизнесенного», использование в дипломатической риторике прецедентных имен и интертекста. Исследование этих феноменов позволяет пополнить содержание современных научных концепций интерактивной обусловленности семантической организации диалогического институционального (дипломатического) дискурса. Коммуникативная направленность теории дискурса требует прояснения причин, побуждающих говорящего к тому или иному типу речевого поведения в диалоге, к определенному выбору и комбинаторике средств языка. Это причины не только системно-языкового характера, но и причины лингвопрагматического порядка, принципиально важные для дипломатического дискурса.

Важнейшими лингвистическими факторами дипломатического дискурса являются такие, как:

- 1) язык, используемый в ходе дискурса (тип языка, наличие двух или более языков, наличие третьего языка-посредника);
- 2) уровень владения языком;
- 3) языковая гибкость, т.е. умение перестроить речь в соответствии с задачами и в зависимости от сторон-участников;
- 4) однозначность толкования высказывания;
- 5) стиль речевого общения;
- 6) речевое оформление аргументов.

Когда мы говорим о языке дипломатического дискурса, важно понимать, что характер дискурса во многом определяется языковой ситуацией. Если в дискурсе участвуют стороны, использующие один общий для них язык, носителями которого они являются, можно предположить максимальную адекватность «сказанного» и «понятого». Если стороны представлены носителями разных языков, то важно следующее:

— будет ли выбран в качестве языка общения один из данных двух языков либо третий;

— если выбран один из двух языков, то каков уровень владения этим языком каждой из сторон;

— если выбран «третий» язык, то каков уровень владения этим языком каждой из сторон либо навыки переводчика.

Дискурсивный портрет дипломата представляет собой взаимосвязанную совокупность таких факторов, как наличие определенной коммуникативной цели, способности эффективно аргументировать свои позиции, уровня коммуникативной компетенции, и является наиболее эффективным комплексным аналитическим инструментом для создания и поддержания канала обратной связи с реципи-

ентами. Серьезную роль при этом опять-таки играет интертекстуальность, позволяя, благодаря ссылкам на известные автору и реципиенту понятия, факты и тексты, устанавливать более тесный контакт.

Сегодняшний мир невозможно представить без современных информационных технологий, меняющих формы коммуникации. Так, в относительно недавнее время к современным инструментам международной коммуникации добавился Интернет. Практически все дипломатические представительства и собственно МИД имеют веб-сайты, содержащие информацию о стране и ее внешней политике, сведения о контактах, обеспечивающие доступ к документам, правила оформления виз и многое другое. Сайты представительств структурно представляют собой поликодовый текст, то есть текст, включающий в себя знаки разных семиотических систем: собственно вербальный текст, разного рода иконические элементы (фотографии, рисунки), а в последнее время также и видеоинформацию.

В дипломатической среде идут разговоры о возможности осуществления электронной коммуникации вплоть до виртуальных переговоров. Сторонники коммуникации такого рода говорят о следующих преимуществах: концентрация на тексте соглашения; использование специалистов; сокращение расходов; преимущества разных временных поясов. Противники подчеркивают необходимость установления дополнительных правил ведения переговоров; угрозу хакерства; уменьшение силы действия виртуального договора и многое другое, включая ряд правовых аспектов (аккредитация участников виртуальной дипломатии, аутентичность текстов заявлений и так далее. Таким образом, дипломатический дискурс, расширяясь, приобретает новые семиотические черты, характерные для современной коммуникации в целом.

В заключение отметим, что исследование лингвистических и экстралингвистических средств современной дипломатии определенно приведет к лучшему пониманию того, как функционирует дипломатия в целом и почему в тех или иных случаях на дипломатическом поприще действия одних участников являются более успешными, а других — менее. Не вызывает сомнения тот факт, что успешность дипломатического общения, принимающего разнообразные формы, от проведения переговоров до формулировки и подписания коммюнике, всецело зависит от коммуникативной компетентности дипломатов, которая, в свою очередь, зависит от следования опыту и традициям дипломатического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гусейнова И.А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — М., 2010.
- [2] Brittan A. Meanings and Situations. — L., 1973.
- [3] Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Наука, 1989.
- [4] Колианский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. — М.: Наука, 1984.
- [5] Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986.
- [6] Торкунов А.В. Современные международные отношения — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

SEMANTICO-SEMIOTIC ASPECTS OF THE DIPLOMATIC DISCOURSE

M.V. Belyakov

The Department of Russian Language for Foreigners
Moscow State Institute of International Relations (University)
Vernadskogo Ave., 76, Moscow, Russia, 119454

Linguistic research of different kinds of an institutional discourse is determined by accent on studying of communication ontogenesis and searching of universal bases of speech interaction. The diplomatic discourse possesses its individual linguistic and semiotics characteristics distinguishing it among other discourse kinds.

Key words: diplomacy, discourse, discourse analysis, politics, intertext.